

рекламировала капиталистическая печать. Так, издательство Колумбийского университета изрекает:

«Несмотря на изобилие материалов о Горьком, это есть первая настоящая биография, первая из всего того, что имеется на английском или на русском языках». Захваливая эту книгу, буржуазные издатели заверяют, будто Хольцман «использовала все имеющиеся документы (!), а также новые критические материалы о Горьком... Она также дает убедительные оценки произведениям Горького». Так рекламируют американские бизнесмены книгу Ф. Хольцман о Горьком.

В действительности же рецензируемая книга не может быть признана научной и объективной. Книга глубоко порочна в основе своей. Она есть по сути дела довольно типичное явление для упражнений современных буржуазных, чуждых марксизму исследователей наследия А. М. Горького.

И. Дмитриков

## НАРОДЫ СССР

*Сказки и легенды пушкинских мест.* Записи на местах, наблюдения и исследование члена-корреспондента АН СССР В. И. Чернышева, изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1950, стр. 342.

В издаваемой Академией Наук СССР серии «Литературные памятники» вышла в свет книга с чрезвычайно заманчивым названием «Сказки и легенды пушкинских мест», которая безусловно должна привлечь к себе внимание как специалистов-литературоведов, так и широких читательских кругов, в первую же очередь фольклористов и пушкинovedов. Рецензируемая книга построена на материале, записанном В. И. Чернышевым в окрестностях села Михайловского (1927), в селе Болдино (1928) и близлежащих к нему селах и деревнях и в близком к Пушкинскому Бежаницком районе. В «пушкинских местах» В. И. Чернышевым было записано сто две сказки и легенды, среди которых он отмечает девятнадцать текстов, «имеющих близкое отношение к сказкам, которые написаны Пушкиным, или к его записям сказок и легенд». Материалы, записанные В. И. Чернышевым, представляют интерес не только в плане изучения фольклоризма Пушкина, но и в порядке изучения очередного «белого пятна» на фольклорной карте, так как мы до настоящего времени имеем лишь немногие записи, характеризующие фольклорную традицию Псковской области и Болдинского района. Поэтому законно рассмотрение изданного Академией Наук сборника как новой публикации фольклорного материала и вместе с тем материала, имеющего интерес для пушкиноведения.

В сборник вошли 84 сказки. В. И. Чернышевым были, очевидно, отобраны лучшие, наиболее интересные и ценные тексты из числа собранного им материала. Правда, принцип отбора не совсем ясен, так как в сборнике, наряду с прекрасными сказками, дано немало бледных, малохудожественных текстов.

Запись сказок и легенд проводилась В. И. Чернышевым очень тщательно. Сказки записаны орфографически, но с сохранением всех типичных особенностей местной речи. Записи по памяти оговорены. К сборнику приложены статьи, комментирующие публикуемый материал, словарь и указатели.

Сборник делится на три основных раздела, определяемых местом записи текстов. Наибольшее число их относится к Пушкинскому району — записано в окрестностях села Михайловского, сыгравшего такую видную роль в творческой биографии великого поэта. Внутри этих разделов материал распределен по сказочникам. Среди сказочников, творчество которых представлено в рецензируемом сборнике, есть несколько несомненно талантливых исполнителей и творцов русской народной сказки, заслуживающих внимания к себе со стороны исследователей. Очень интересны сказки, записанные от П. Г. Брюсова, которого собиратель совершенно справедливо характеризует как сказочника «определенной хорошей школы и стиля», а также сказки Ф. П. Волкова, который привлек внимание собирателя «свободной разработкой повествования, богатством и мастерством использования стилистических приемов и средств языка». Хорошими сказочниками являются С. К. Матюшов из Болдинского района, П. Ф. Федоров из Бежаницкого района и ряд других. Мы находим в сборнике несколько прекрасных сказочных текстов, опубликование которых несомненно обогащает золотой фонд русской традиционной сказки. В сборнике опубликовано много записей, сделанных от детей, что доказывает живучесть сказочной традиции в обследованных собирателем районах. В. И. Чернышев дает довольно подробные биографические сведения о сказочниках и характеризует их репертуар и манеру рассказывания.

И все же сборник вызывает чувство неудовлетворенности и досады. Собирателю не удалось показать тот живой творческий процесс, свидетелем которого он был. Он не показал во всей полноте особенностей бытования сказки в обследованных им районах, отношения к ней аудитории и самих сказочников, роли сказки в жизни и быту населения. Материал, приведенный в сборнике, записан в 1927—1928 гг., однако советского крестьянина этих лет не увидишь по сборнику В. И. Чернышева. Невольно вспоминаются слова Н. А. Добролюбова, сказанные почти 100 лет назад о сборнике сказок Афанасьева: «А народа-то и не узнаешь из сказок, изданных господином Афанасьевым». Упрек Н. А. Добролюбова может быть с еще большей остротой обра-

щен к В. И. Чернышеву. Это тем более досадно, что в сборнике даны отдельные ценные штрихи, характеризующие бытование сказки. Например, на стр. 293 приводится такое любопытное наблюдение: «Для уяснения жизни сказки любопытно ее (сказочницы.—Э. П.) сообщение, что сказки у них обычно рассказывались, чтобы развеселить и ободрить себя во время зимних вечерних работ: пряденыя, тканья. Эта связь сказки с домашними работами — прядением и ткачеством — весьма замечательна». На стр. 300 даются сведения о том, что сказка «Лиса и волк» была рассказана сказочником Волковым в разговоре с домашними «как иллюстрация одной мысли об обмане». Однако отдельные меткие наблюдения не обобщены, как бы брошены случайно и не дают целостной картины жизни и бытования сказки в данных районах в 20-х годах нашего века.

Сборник дает материал, который может быть использован при изучении проблемы: Пушкин и народное творчество, проблемы, тесным образом связанной с вопросами народности пушкинского творчества. Рецензируемый сборник должен привлечь внимание исследователей, изучающих творчество Пушкина. Принимая во внимание особенности сказочного творчества, можно предполагать, что, несмотря на сто лет, разделяющих время пребывания Пушкина в Михайловском и Болдине от времени записей Чернышева, в книге отобранен сказочный репертуар, близкий тому, какой существовал в «пушкинских местах» в пушкинские времена. «Данные тексты,— справедливо замечает собиратель,— ясно отражают то богатое сказочное окружение, своего рода народную литературную атмосферу, среди которой жил и творил наш величайший поэт» (стр. 272). В сборнике имеются варианты следующих пушкинских сказок: «Жених», «О царе Салтане», «О рыбаке и рыбке», «О попе и работнике его Балде», «О мертвой царевне», а также варианты записей Пушкина о царе Берендее, о Кашее, о Соломоне, о похищении детей нечистой силой. В остальных сказках В. И. Чернышев считает возможным усмотреть «много общего со сказками Пушкина по языку, складу речи, типичным выражениям, сказочным образом и мотивам, по художественному стилю вообще, который объединяет сказки Пушкина и народные русские сказки» (стр. 272).

Однако не следует преувеличивать значение этой книги для изучения вопроса о фольклоризме Пушкина. Великий поэт ориентировался в своем творчестве не на узко местную, областную традицию, а на мощное общерусское, общенародное поэтическое творчество.

Нельзя согласиться и с тем, как В. И. Чернышев формулирует задачи, стоящие перед исследователем пушкинских сказок. «Полагаем,— пишет исследователь,— что общая задача изучения сказок Пушкина сводится к 1) выяснению материалов, которые фактически были или могли быть источником его сказок, 2) изучению способов, которыми поэт использовал эти материалы, 3) исследованию конечного результата его творчества — самого текста его сказок». При такой постановке вопроса задача изучения творчества Пушкина сводится к формальным, текстовым моментам, а такие большие вопросы, как причины обращения поэта к фольклору, как целенаправленность использования им народного творчества, как идейное содержание его сказок,— остаются совершенно в стороне.

Недостаточлю дифференцированы в книге Чернышева вопрос об обращении Пушкина к фольклору и вопрос о влиянии Пушкина на фольклор. Несомненно, некоторые тексты, приведенные в книге, в основе своей имеют пушкинский текст, что и отмечено местами Чернышевым, но не обобщено, не выдвинуто как самостоятельная проблема. А между тем в книге можно найти многочисленные примеры использования сказочниками пушкинского текста.

Все это снижает исследовательскую значимость книги, не поднимающейся над уровнем сборника любопытных материалов, недостаточно осмысленных и обобщенных их собирателем и исследователем.

Э. Померанцева

*Сказки Смоленщины.* Сборник составил Б. Шурыгин. Смоленское областное государственное издательство, 1949, 66 стр., тираж 10 000 экз., цена 2 р. 50.

Сборник Б. Шурыгина — не научная публикация текста. Это — массовое популярное издание, далекое от полноты (в нем всего восемь сказок), призванное удовлетворить запросы широких читательских масс. Но такой характер сборника обязывает составителя особенно тщательно отнестись к вопросу отбора сказок, выбрать из них самые типичные для Смоленской области, лучшие как в идейном, так и в художественном отношении.

Составитель сборника чрезвычайно беззаботно отнесся к подготовленному им изданию. Сборник не имеет ни предисловия, ни указаний на использованные источники. Научность издания, как свидетельствует эта книга, смоленским издательством исключается из изданий для массового читателя.

Что же представляет собой сборник со стороны содержания?

Из восьми сказок сборника пять («Клец-солоней», «Знай свой топор», «Чудный сон», «Поп и работник» и «Разориновы найденыши») представляют собой перепечатку из вышедшего в 1938 г. сборника того же составителя Б. Шурыгина «Народные сказки» (Смоленск, Смолгиз, 1938), изданного тем же издательством тиражом в